

ХРАНИТЕЛЬ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Виталий Грушко

Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 28 января. С. 4

В мае 1866 года в газете «Санкт-Петербургские ведомости» была опубликована первая часть очерка «Прогулка в Тригорское. Заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и бар. Дельвига». В заметке излагались подробности путешествия, которое совершил автор, его рассказ о встрече с людьми, знавшими Пушкина, а также ценные сведения из жизни лиц, упомянутых в заглавии.

В то время Пушкин еще не считался классиком русской литературы, и подобные исследования носили скорее популярный, нежели научный характер. Автор очерка Михаил Иванович Семевский (1837—1892), позднее получивший известность как автор журнала «Русская старина» и историк, с горечью отзывался на мнения некоторых критиков. Он был убежден, что Пушкин по праву должен считаться первым поэтом России: «Что делать! Я, увы, не могу согласиться с теми критиками, по рецепту которых следует говорить о наших литературных знаменитостях прошедшего времени полуснисходительно, полупрезрительно: я (еще больше пускаюсь в откровенность) даже с каким-то особенным чувством уважения (чуть-чуть не сказал благоговения) обращаюсь к людям, которых эти знаменитости считали своими приятелями и друзьями. Для меня Пушкин все еще гордость, честь и краса нашего Парнаса!».

Очерк Семевского начинается весьма игриво, почти как рассказ об увеселительной прогулке. Но вскоре шуточный тон сменяется серьезными размышлениями о судьбе поэтов, которым, быть может, самые счастливые мгновения своей жизни довелось провести в Тригорском.

Семевский живописует картины природы, рисует пейзаж, окруживший имение, делает экскурс в историю, показывает быт и, конечно же, рассказывает о семействе Осиповых-Вульф, хозяев Тригорского. Его спутники — Алексей Николаевич Вульф (1805—1881) и Мария Ивановна Осипова (1820—1896), дети Прасковьи Александровны Осиповой (1781—1859), люди, помнившие, как Пушкин совершал свои визиты в их имение. Для поэта общение с членами семейства Осиповых-Вульф было подобно глотку свежего воздуха в то время, когда он находился в ссылке в Михайловском. В Тригорском он подолгу гулял, ухаживал за дочерьми Прасковьи Александровны, играл с совсем маленькой еще Марией... Последняя вспоминала, что Пушкин был большим шутником: так, например, он любил приходить в гости незаметно, входя не через дверь, а через окно. А однажды он в порыве веселья вскочил с дивана, перепрыгнул через стол и опрокинул свечи.

Кстати, Семевский (и это придает его работе большую ценность) приводит письма Пушкина к жителям Тригорского. Эти письма были написаны уже после того, как поэт покинул Михайловское, и из них видно, что любовь Пушкина к тем местам, где он бывал счастлив, непридуманная. Вот отрывок из письма к Прасковье Александровне: «Пошлость и глупость обеих столиц наших равны, хотя и различны; и так как я имею претензию быть беспристрастным, то скажу, что если бы мне дали выбирать между тою и другим, то я выбрал бы Тригорское, — почти так, как Арлекин, который на вопрос: что он предпочитает — быть колесованным или повешенным, отвечал: «Я предпочитаю молочный суп».

Пишет Семевский и о полузабытом ныне поэте Языкове. Языков провел в Тригорском гораздо меньше времени, чем Пушкин. И тем не менее он тоже всей душой полюбил это место и посвятил ему замечательные стихи, которые с удовольствием цитирует Семевский:

*Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной*

*Жилища Граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум изящно просвещенный...*

Полностью работу Семевского «Прогулка в Тригорское» сегодня можно прочесть в одноименной книге, вышедшей в издательстве «Пушкинский дом». Помимо «Прогулки» сюда вошли и другие работы автора, посвященные Пушкину.

Здесь можно почерпнуть немало ценных сведений. Автор пишет об отце Пушкина (почему-то довольно пренебрежительно), рассказывает о роковой записи декабриста Муравьева-Апостола в альбом Прасковьи Александровны Осиповой (считалось, что тот, кто сделает первую запись, погибнет насильственной смертью; позднее так и случилось) и т. д. Но, пожалуй, самое важное открытие, сделанное Семевским, — это его запись со слов Вульфа о том, что перед дуэлью с Дантесом поэт твердо рассчитывал убить своего противника, надеясь, что за это его вновь сошлют в Михайловское, где он спокойно займется составлением истории Петра I. Комментатор работ Семевского работник Пушкинского дома С. В. Березкина по-своему интерпретирует эти сведения: «Между тем еще в 1830 г. Пушкин изрек: «Гений и злодейство — две вещи несовместные»; наверное, именно поэтому мы говорим об убитом гении, а не наоборот».

Вообще Березкиной проделана колоссальная работа, связанная с составлением примечаний к текстам Семевского. Нетрудно догадаться, что, будучи пионером в области пушкинистики, Семевский не мог избежать ошибок в своих текстах. Березкина, где надо, поправляет его, а помимо этого дает обширнейший комментарий. Таким образом, в книге мы можем прочесть сразу две истории о Пушкине. Одну, написанную Семевским, и другую, изложенную в примечаниях, которые занимают здесь не меньше места, чем основной текст.

На одной из страниц этой книги автор восклицает: «Когда-то Россия дождется монумента Пушкину? Когда-то по общественной инициативе и на пожертвованные обществом же суммы сооружен будет памятник поэту, так много послужившему и русскому слову, и русской мысли?».

Сегодня, когда монумент великому поэту воздвигнут, с уверенностью можно сказать, что одним из первых, кто заложил камень в фундамент этого монумента, был Михаил Иванович Семевский.